

**ДВА ГОДА до НОВОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ЦИКЛА
на ФИЛИППИНАХ
[ТРИ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ]**

В мае 2016 г. заканчивается шестилетний президентский цикл Бенигно (Нойной) Акино III. Уже сейчас можно говорить об успешности реформаторского курса пятого поставторитарного президента Филиппин, направленного на модернизацию экономической и общественно-политической системы*. Об авторитете и популярности Б. Акино в филиппинском обществе свидетельствуют его рейтинги, не опускающиеся ниже 50% и постепенный выход Филиппин из привычного состояния стабильной нестабильности.

В настоящей же статье речь пойдет об устойчивых долговременных дестабилизационных факторах, которые занимают приоритетное место в политике государства в завершающем двухлети президентства Б. Акино III, и можно с уверенностью утверждать, сохранят свое деструктивное влияние на внутреннюю и внешнюю обстановку в стране и со сменой власти в мае 2016 г. Я обозначила эти факторы как три угрозы (или вызова) безопасности.

Первая угроза – геополитическая и связана с обострившейся конфликтной ситуацией в ЮКМ, в которой Филиппины наряду с Вьетнамом выступают в настоящее время в роли одного из главных политических игроков. Тема ЮКМ из-за своей

* Это достижения в сфере экономики [в 2013 г. у Филиппин впервые с 2000-х был самый высокий показатель ВВП – 7,5% среди стран ЮВА], политики [повторение опыта президента Ф. Рамоса (1992–1998), но в более масштабном и прочном варианте, по консолидации основной части политической и бизнес-элиты вокруг президентского реформаторского проекта], некоторые позитивные сдвиги в борьбе с коррупцией и социальном реформировании. Круг этих проблем заслуживает специального исследования, что и предполагается сделать в последующих выпусках сборника.

сложности и актуальности, определяемых геополитическим и стратегическим значением акватории ЮКМ, вовлеченностью в конфликтные события ряда внутри- и внерегиональных сил с разноплановыми устремлениями и интересами, ростом напряженности и отсутствием компромиссного решения на ближайшую перспективу, привлекает внимание многих зарубежных и отечественных исследователей (в основном специалистов по Вьетнаму). Анализ ситуации в зоне ЮКМ и возможных вариантах её развития в близком будущем находится в центре внимания авторов настоящего сборника.

Для меня особый интерес представляют статьи Г.М. Локшина (и в этом и в предыдущих выпусках сборника) и с точки зрения глубокого аналитического подхода к проблемам и перспективам развития конфликтных событий в зоне ЮКМ и, в особенности, в плане, на мой взгляд, убедительных и достоверных выводов автора о позиции Филиппин¹. Поэтому, ограничусь некоторыми комментариями, касающимися специфики Филиппин как одного из заинтересованных участников территориальных споров в зоне ЮКМ.

Существенно отметить, что позицию Филиппин в указанном качестве необходимо оценивать исключительно сквозь призму их отношений с США. При действующем президенте Б. Акино III происходит заметное усиление проамериканизма во внешней политике Филиппин. Состоялось по сути возвращение к старой традиционной системе «особых отношений» между двумя государствами, при которых старший партнер (США) диктует правила и линию поведения младшему партнеру (Филиппинам).

В русле нынешней политики США, ориентированной на возобновление и укрепление связей со старыми партнерами из числа асеановских стран, Филиппинам отводится естественная роль главного верного и испытанного союзника Соединенных Штатов. Поэтому необходимо иметь в виду, что все инициативы Филиппин (дипломатические, в ООН) в вопросе о спорных территориях осуществляются с одобрения или по прямому указанию американцев. При этом, как известно, США занимают формально позицию нейтралитета, и более того нередко через СМИ и в двусторонних дипломатических контактах стараются

как бы удерживать филиппинского партнера от излишней активности, которая может послужить поводом для опасных всплесков конфликтов с китайской стороной. В то же время в филиппинских СМИ, выступлениях политиков высших рангов и военных лидеров высказывается резкая критика в адрес американского партнера, раздаются обвинения чуть ли не в предательстве филиппинских национальных интересов. Здесь действует давно отработанный и отлаженный со времени президента Ф. Маркоса стереотип именно такого рода поведения – риторика с той и с другой стороны, скрывающая дирижистские позиции американцев. При Ф. Маркосе этот стереотип отрабатывался в обстановке подъема антибазового движения на Филиппинах (массовые выступления за вывод американских военных баз с территории Архипелага). Показной антиамериканизм «сверху» служил способом сдерживания протестных антибазовых выступлений «снизу», вплоть до того, что одна из дочерей Ф. Маркоса возглавляла одну из антибазовых молодежных группировок.

В сегодняшней обстановке, связанной с ЮКМ, подобная тактика отражает незаинтересованность США в прямом обострении отношений с Китаем и в то же время поддержку активной роли Филиппин в современном геополитическом пространстве в ЮВА.

Несколько слов об эволюции поведения Филиппин в развитии конфликтной ситуации в зоне ЮКМ. Превращение территориальных претензий Филиппин в действительно приоритетную проблему внешней политики произошло фактически лишь в последние годы, именно, при президентстве Б. Акино III. Если проследить эволюцию позиции Филиппин с конца 80-х годов (с начала возникновения прямых столкновений с китайцами), то она постепенно ужесточалась, приобретала более четкую линию на защиту интересов в акватории ЮКМ. Но эта эволюция шла медленно и была сконцентрирована на политике национальной элиты. В 1986-1988 гг. филиппинское общество находилось в состоянии эйфории по поводу свержения авторитарного режима Ф. Маркоса. Все 90-е годы прошлого века перед сменявшимися поставторитарными администрациями на первом плане были внутренние проблемы: безуспешные по-

пытки преодоления экономической отсталости и нестабильности, обуздания гигантски растущей коррупции, запущенность социальных проблем, наконец, проблема радикальной оппозиции. Внешнеполитический аспект, связанный с территориальными интересами Филиппин в акватории ЮКМ оставался на втором плане (и в этом серьезное отличие Филиппин от Вьетнама). Характерно, что в предвыборных публичных выступлениях Б. Акино во время победной для него выборной кампании 2010 г. данный аспект фактически не упоминался и не вошел в перечень первоочередных задач в программе будущего президента. Повторяю, что лишь сближение с США резко повысило значимость территориального конфликта. Но при этом он не вызывает массового патриотического подъема, проявляясь преимущественно в поведении политической и военной элиты, получая отражение в части СМИ.

Нельзя не принимать во внимание традиционные тесные экономические связи Филиппин с Китаем, учитывая, что к верхнему слою современной деловой элиты принадлежит динамично развивающаяся группа крупных капиталистов – этнических китайцев, заинтересованных в укреплении филиппино-китайских отношений².

Но главным ориентиром (и дирижёром) в поведении Филиппин при любом возможном развитии конфликтной ситуации в ЮКМ останутся США (при действующем президенте и его преемнике после выборов 2016 г.). Известно, что из всех асеановских стран Филиппины наиболее последовательно и убежденно выступают за расширение военного присутствия США в ЮВА в качестве главного гаранта и «щита безопасности» региона.

Второй вызов безопасности, касающийся сохранения унитарного государственного устройства и территориальной целостности Филиппин – проблема мусульманского Юга.

В завершающем двухлети президентского цикла одним из приоритетов реформаторского проекта Б. Акино остается задача мирного урегулирования «мусульманской проблемы».

С подписанием 27 марта 2014 г. «Всеобъемлющего соглашения относительно Бангсаморо» [The Comprehensive Agreement on Bangsamoro – CAB]³ между правительством Фи-

липпин [GRP] и руководством головной организации мусульман «Исламский фронт освобождения Моро» (ИФОМ-MILF) с известной осторожностью можно сказать, что по всей вероятности открывается реальная перспектива урегулирования межконфессионального конфликта на большей части южных мусульманских территорий. Их, как известно, культурно-историческая, экономическая, геополитическая «сердцевина» – Минданао, самый крупный остров Архипелага, до сих пор отчужденной от экономического освоения его богатых природных ресурсов (металлические руды, золото, углеводороды). Именно юго-западный район Минданао – центр деятельности ИФОМ (штаб-квартира его руководства), с начала 2000-х наиболее крупной и влиятельной организации моро, постепенно сменившей сепаратистскую позицию на автономистскую⁴. Подробное примечание (см. сноску 2), – краткий экскурс в предысторию нынешних событий, приведено для того, чтобы лишний раз подчеркнуть сложность общей ситуации на мусульманском Юге и в частности, во взаимоотношениях между ИФОМ и ФНОМ. Так чрезвычайно напряженная обстановка сложилась после подписания рамочного соглашения между правительством Филиппин и руководством ИФОМ 15 октября 2012 г. [Framework Agreement of the Bangsamoro – FAB]. Рамочное соглашение носило промежуточный характер, представляя собой своего рода дорожную карту, определившую конкретные шаги на пути к окончательной цели – установлению мира на Минданао и созданию нового самоуправляющегося автономного района Бангсаморо (завершение переговорного процесса планируется к 2016 г., т.е. окончанию президентского срока Б. Акино III)⁵. Интерес представляет подтверждение в политическом лексиконе самого понятия Бангсаморо⁶, признание его официально центральной властью.

Возвращаясь к вопросу о росте напряженности и попытках дестабилизации обстановки после подписания рамочного соглашения, следует отметить в первую очередь враждебные действия со стороны ФНОМ. Самой опасной попыткой сорвать миротворческие усилия правительства было внезапное вооруженное нападение с моря боевиков из ФНОМ 10 сентября 2013 г. на город Замбоангу (северо-западная оконечность о.

Минданао), захвативших несколько сот заложников. Конфликт был погашен в течение трех недель для чего были использованы правительственные войска. За конфликтом стоял вновь появившийся на политической сцене Нур Мисуари, обвинивший президента Акино в нарушении договора 1996 г. и переговорах с ИФОМ без привлечения ФНОМ⁷.

Вслед за инцидентом в Замбоанге усилились вспышки вооруженной борьбы в зоне архипелага Сулу, ареале близлежащих островов в районе южного приграничья о. Минданао. Здесь действуют радикальные исламистские группировки, – Абу Сайяф, Раджа Солиман и др., связанные с исламистами в Индонезии и Малайзии, получающие помощь с Арабского Востока⁸.

В таких напряженных, чреватых усилением дестабилизации условиях, оптимизм вселяли позиции президента Акино и, что, еще более важно, руководителей ИФОМ, направленные на выполнение дорожной карты к подписанию новых соглашений для завершения мирного процесса к 2016 г.

В этом смысле подписание САВ можно оценить как самую крупную политическую победу Б. Акино III, но остается вопрос, сумеет ли он за оставшееся двухлетие его президентства полностью реализовать планы по окончательному замирению Минданао и наладить процесс функционирования нового автономного образования (Бангсаморо).

Предварительно о самом «Всеобъемлющем соглашении». САВ состоит из пятистраничной преамбулы, краткой истории 17-летних (с 1997 г.) переговоров между правительством и руководством ИФОМ, оценки исторического значения достигнутых результатов и множества подписей официальных лиц, возглавлявших переговорный процесс с обеих сторон, (начиная с подписей президента Б. Акино III и главы ИФОМ Аль Хаджи Мурада Эбрахима). Но вместе с FАВ, целиком вошедшего в САВ, и многочисленных приложений и дополнений, выработанных специальной переходной комиссией за период 2012–2014 гг., это весьма обширный, детализированный по всем обсуждавшимся проблемам документ. Особый интерес представляют три приложения, подписанные представителями договаривающихся сторон с июля 2013 по январь 2014 г. в Куала-

Лумпуре при активном посредничестве Малайзии. Главные переговорщики, – от правительства Филиппин (GPH) – Мириам Коронель Феррер, от ИФОМ (MILF) – Мохагер Икбал. Итак, приложение № 1 от 13.07.2013 об источниках доходов и их разделе. Здесь речь идет о совместной (на равноправной основе) разработке природных ресурсов – цветных металлов и углеводородов, что впервые открывает путь к экономическому развитию Минданао. Не случайны очень высокие оценки экономических разделов соглашения со стороны филиппинских деловых кругов. Так министр по экономическому планированию А. Балисакан указывает на то, что если правительство сумеет достичь прочного мира на Минданао, этот регион будет «переживать экономический бум и развиваться быстрее, чем Лусон, поскольку проблема мира и стабильности служила единственным препятствием на пути экономического подъема в данном районе»⁹. А известные представители бизнес-элиты, объединенные во влиятельном Makati Business Club заявили, что успех в мирных переговорах в большой степени будет влиять на подлинное экономическое развитие и улучшение качества жизни населения как в Бангсаморо, так и на Минданао в целом. Бизнесмены из Makati Club указывают также на то, что постепенное улучшение инвестиционного климата на Филиппинах создает «великолепные возможности» в этом смысле для Бангсаморо и Минданао¹⁰.

Приложение № 2 от 8 декабря 2013 г. Оно касается разделения функций власти (Power Shairing) В САВ сохраняется положение (по рамочному соглашению) о создании вместо ARMM новой автономии Бангсаморо (New autonomous political entity – NPE) в рамках унитарного филиппинского государства. Территориально Бангсаморо поглощает регион ARMM, к нему прибавляются по шесть городов из минданаосских провинций Сев. Давао и Сев.Котабато. Иными словами Бангсаморо займет всю южную часть Минданао и ряд островных территорий, принадлежавших ARMM. NPE наделяется широкими правами и полномочиями. Предусмотрены выборы собственного парламента, устанавливаются электоральная система (соответствующая действующей конституции 1987 г.), демократические принципы формирования партий и правительства. Избиратели

– бангсаморо будут выбирать членов региональной законодательной ассамблеи (парламента), в составе которой предположительно будет по крайней мере 50 представителей из «региона, партийных списков и секторальных выборщиков», «Ассамблея будет представлять выборные политические объединения Бангсаморо, а также немусульманские местные общины, женские организации и другие сектора» (из текста приложения)¹¹.

Главный министр (Chief Minister) возглавляет кабинет и избирается членами ассамблеи. Он назначает своего заместителя и других министров. Главный министр является также председателем совета лидеров, состоящего из губернаторов провинций, мэров городов и представителей от каждого немусульманского объединения. Автономное правительство практически не зависит от центральной власти по управлению на местах, для мусульман допускается система шариатских судов. В приложении зафиксировано, что договаривающиеся стороны составили список из 81 властной функции у центрального правительства. Из них 58 категорий властных полномочий передаются Бангсаморо, 9 сохраняются за центром и 14 разделяются между центральной властью и Бангсаморо. Впервые за всю историю переговорного процесса центральная власть пошла на такие политические уступки мусульманской стороне. Фактически за центральной властью сохраняется оборона, безопасность и внешняя политика¹².

Приложение № 3 от 25 января 2014 г. едва ли не самое существенное, обозначено как «Нормализация». Речь идет о практических реальных мерах по установлению мира на территории Бангсаморо. В процессе переговоров руководители ИФОМ согласились на постепенное, по фазам, разоружение боевого крыла ИФОМ – Bangsamoro Islamic Armed Forces (BIAF). Этот процесс должен быть завершен к середине 2016 г. (в соответствии с планом создания нового самоуправляющегося региона Бангсаморо). Одновременно будет происходить постепенное удаление правительственных сил безопасности из Бангсаморо, создание полицейских сил Бангсаморо, роспуск частных вооруженных группировок, социальная и экономическая помощь бывшим бойцам BIAF¹³. «Мы полагаем, что эта формула соглашения с правительством – лучшая из всех возможных.

Мы не можем создавать наши институты в условиях продолжающейся войны», – таким образом прокомментировал данное приложение главный переговорщик от ИФОМ Мохагер Икбал, ветеран 40-летнего повстанческого вооруженного движения моро¹⁴.

Однако подписание САВ – последний промежуточный этап, приближающий к мирному урегулированию многолетнего кровавого межконфессионального конфликта. Предстоит обсуждение и утверждение (в случае одобрения текста Соглашения) основного закона относительно Бангсаморо (Bangsamoro Basic Law – BBL) в обеих палатах конгресса. Затем должен быть проведен плебисцит в провинциях и муниципалитетах, которые по Соглашению войдут в регион Бангсаморо, по одобрению BBL. Только после этого переходное правительство Бангсаморо начнет действовать по подготовке выборов в новом самоуправляющемся автономном районе. Президент Б. Акино рассчитывает, что конгресс утвердит BBL в течение года, надеясь на поддержку и давление на законодателей со стороны бизнес-элиты. Но и филиппинская общественность, и законодатели, специалисты-аналитики считают этот срок нереальным. Скорее всего процедура утверждения Basic Law в конгрессе может затянуться и на более продолжительное время.

Повторю, что впервые появилась реальная основа для установления мира на бóльшей части мусульманских территорий филиппинского Юга. Прибегая к форме прогнозных оценок, можно выделить следующие варианты.

Наиболее вероятный – предполагается создание Бангсаморо и ее функционирование в качестве новой самоуправляющейся автономии. Но в полном объеме сохранятся угрозы и вызовы мирному процессу. Это продолжающаяся экспансия исламизма, связанного с Абу Сайяф и другими радикальными группировками, которые действуют и вне, и внутри ИФОМ. Сохраняются традиционные местные кланы, позиции которых могут ослабеть с созданием Бангсаморо (потенциальные противники новой автономии). Неизвестно как будут развиваться отношения между смешанными мусульманским и христианским населением на территории Бангсаморо.

Вероятный, с большой дозой оптимизма: продолжение процесса мирного урегулирования и создание крупного мирного анклава в виде Бангсаморо, что будет способствовать снижению деструктивных процессов на всем мусульманском Юге.

Наконец многое будет зависеть от того, какой лидер сменит Б. Акино III на посту президента. Будет ли это продолжатель реформаторского курса Б. Акино, в том числе в кардинальном позитивном решении «мусульманской проблемы», либо политик традиционного привычного для филиппинцев типа – харизматик и популист, возможно со склонностью к исламофобии. В этом случае можно ожидать новой, причем грандиозной по масштабам, вспышки мусульманского повстанческого движения (и, естественно, отказ от всех достижений мирного переговорного процесса при Б. Акино III). Пример подобного поворота событий существует, когда президента Ф. Рамоса (1992–1998) сменил популист, коррупционер и к тому же исламофоб Дж. Эстрада (1998–2001). Таков наиболее пессимистический вариант.

Угроза № 3 – левоповстанчество. Филиппины – единственная страна в регионе ЮВА, где сохраняются остатки маоизированной коммунистической партии. Существует коммунистическое подполье, «Революционная борьба» за освобождение «филиппинских трудящихся» вот уже более четырех десятилетий ведется под руководством компартии. Естественно в наши дни идеологическое оформление коммунистической герильи далеко отошло от образцов «классического» маоизма середины прошлого века, сильно примитивизировалось на уровне рядовых участников вооруженной борьбы, представляет собой некую хаотичную смесь из псевдомаоистских, радикально-националистических, не вполне ясных ультралевых лозунгов и идей, а также представлений традиционного стихийного крестьянского радикализма.

Хотя левоповстанчество с точки зрения ограниченности его масштабов и ареалов боевых действий не представляет собой угрозы безопасности и стабильности государства, сравнимой с основным очагом радикализма на мусульманском Юге, тем не менее, правительство и особенно военные лидеры и руководители органов безопасности относятся к этому направле-

нию радикальной оппозиции весьма серьезно. Так, в январе 2014 г. пресс-секретарь министерства обороны генерал Д. Тутаан заявил, что «коммунистическое восстание остается потенциально самым серьезным вызовом внутренней безопасности и усилиям правительства по возобновлению мирных переговоров»¹⁵.

Действительно, левоповстанчество отмечает долговременность, упорство, ожесточенность в сопротивлении правительственным силам.

К периоду авторитарного режима Ф. Маркоса (1965-1986) относятся создание маоизированной компартии (1968), в 1969 г. ее боевого отряда Новой народной армии (НРА) и подъем повстанческого движения под руководством Компартии идей Мао Цзедуна (НРА действовала практически во всех провинциях страны, численность бойцов НРА достигала 30.000 человек). В 1972 г. с введением на Филиппинах военного положения Ф.Маркосу с большими усилиями удалось арестовать нескольких руководителей маоистской компартии, в том числе ее основателя, лидера и идеолога Х.М. Сисона, но повстанческое движение не снизило своего накала¹⁶. С конца 60-х годов XX в. остается неизменной социальная база движения. Это студенты (как известно отзывчивость к ультралевым идеям и учениям характерна более всего для молодежи, обостренно критически воспринимающей негативные явления действительности, социальной несправедливости и социального неравенства), крестьяне с их стихийной тягой к бунтарству, а также распространенный на Филиппинах тип интеллектуалов-радикалов с тяготением к левым и ультралевым идеям.

С освобождением из-под ареста в 1986 г. (первым президентом поставторитарных Филиппин Корасон Акино) Хосе М. Сисон эмигрировал за рубеж, обосновался в Голландии, основав свою штаб-квартиру в Утрехте. Он до сих пор остается главным лидером («мозгом и сердцем», как о нем говорят его подвижники) компартии Филиппин. Первоначальное название «Компартия идей Мао Цзедуна» изменено на Коммунистическую партию Филиппин – КПФ), но Х.М. Сисон [его любимый псевдоним Амадо Герреро¹⁷, а ближайшие соратники зовут его уменьшительно Хома Сисон или просто Хома] продолжает по-

вторять о своей верности устаревшим маоистским идеям и догмам [которые претерпели, как известно, глубокие изменения в самом Китае].

Оторванный от родины Х. Сисон осуществляет руководство повстанческим движением на Филиппинах через нелегальную организацию, базирующуюся на Филиппинах (преимущественно в Маниле), – Национальный Демократический Фронт (НДФ), – в последнее время ее название Национальный Демократический фронт Филиппин [соответственно аббревиатура – НДФФ – NDFP]. НДФФ считается «политическим крылом» КПФ, а ННА (NPA) – ее «боевым отрядом»¹⁸. Таким образом, существует структурная вертикаль: Х.М. Сисон – НДФФ – ННА. НДФФ непосредственно руководит и координирует действия ННА.

В целом же в поставторитарный период левоповстанчество переживает деградирующую эволюцию. Численность ННА не превышает трех – пяти тысяч бойцов. Мелкие отряды действуют в глухих горных районах (главным образом на севере Лусона и в северных глубинных районах Минданао). Некоторые отряды, состоящие преимущественно из крестьян, выродились в обычные бандформирования. В тех же группах, где преобладают выходцы из студенчества и городской интеллигенции боевые действия ведутся под левыми идеологическими лозунгами.

Некоторых положительных сдвигов в сдерживании и нейтрализации левых повстанцев удалось добиться второму поставторитарному президенту Ф. Рамосу (1992-1998). Он провел несколько амнистий, благодаря которым значительная часть боевиков из крестьян сложила оружие, отказавшись от вооруженной борьбы и получив взамен земельные участки. В результате переговоров правительства с руководителями НДФФ, начиная с 1992 г. было подписано 10 соглашений о перемирии. Среди них Гагская совместная декларация (1992 г.), Совместная декларация о гарантиях безопасности и иммунитета (JASIG, 1995) и Всеобъемлющее соглашение об уважении прав человека и международных гуманитарных законов (CARHRIHL, 1998)¹⁹.

Но в дальнейшем эти соглашения игнорировались и той, и другой стороной, а при президентах Дж. Эстраде (1998-2001) и Г.М. Арройо (2001–2010) превалировало применение силовых методов по подавлению повстанцев, в итоге частые вспышки вооруженной герильи. Причем руководители НДФФ и командиры боевых отрядов стали обращаться к тактике вовлечения в вооруженную борьбу малых аборигенных племен горного Сев. Лусона и устанавливали контакты с боевиками из радикальных исламистских группировок на мусульманском Юге.

Одним из направлений реформаторского проекта, избранного в 2010 г. на пост президента Б. Акино III было урегулирование проблемы радикальной оппозиции. Переговорный процесс с руководством НДФФ возобновился в сентябре 2011 г. (причем Х.М. Сисон выступает в роли консультанта НДФФ). С самого начала переговоры пошли трудно, часто прерывались. Переговорщики от НДФФ не принимают условий Б. Акино о предварительном полном прекращении боевых действий ННА, требуют исключить ее из американского списка террористических организаций. Стороны не смогли достичь компромиссного решения об освобождении из заключения арестованных функционеров и руководителей НДФФ. В конце концов переговоры были фактически прерваны.

В настоящее время после подписания Всеобъемлющего соглашения (САВ) с мусульманским ИФОМ в Малаканьяне решили, что наступило время возобновления переговоров с руководителями «коммунистического восстания». Об этом официально заявила пресс-секретарь президента Абигаиль Вальте, добавив, что в Малаканьяне ожидают «положительного ясного сигнала со стороны руководства КПФ и НДФФ о согласии сесть за стол мирных переговоров с правительством»²⁰.

Но инициатива правительства входит в противоречие с позицией Х.Ма. Сисона, который уже с января 2014 г. неоднократно повторяет, что возобновление мирных переговоров возможно только при следующем президенте, который сменит Б. Акино в 2016 г.²¹. Здесь просматривается влияние следующих факторов: обвинения правительства Б. Акино руководством НДФФ (полностью поддерживаемые Сисоном) в срыве переговоров в 2011 – 2012 гг.; своеобразие личности Сисона, наконец,

незнание реальной обстановки на Филиппинах из-за многолетнего отсутствия на родине.

Обвинения правительства в срыве переговоров сводятся к тому, что оно игнорирует и не собирается выполнять соглашения 1992-1998 гг. [Declaration of 1992, JASIC, 1995, SARHRIHL, 1998], кроме того упоминавшийся выше (и не решаемый) вопрос об освобождении арестованных в разные годы руководителей и функционеров НДФФ и ННА.

О своеобразии и противоречивости личности Х.Ма. Сисона я писала в статье в XIX выпуске сборника²². Повторю, что это крупная, очевидно, самая яркая и колоритная фигура в филиппинском леворадикальном движении. Сисон известен и пользуется большой популярностью в европейских леволиберальных кругах как ученый, поэт, эссеист, широко образованный, обаятельный человек. Но как политик он представляет уникальный образец полувекового служения революционному идеалу, в который поверил в молодости. Отсюда его устаревшие штампованные оценки политического процесса на Филиппинах, в частности, характеристик сменявшихся правительств и президентов. Все правительства, начиная с правления Ф. Маркоса и кончая администрацией Б. Акино III он оценивает как реакционные, проимпериалистические, «на службе у классов компрадорской буржуазии и лендлордов».

В настоящее время с приближением 45-й годовщины со дня основания возглавленной им маоистской КПФ, Х. Сисон часто выступает с публичными заявлениями. В них он позиционирует себя как единственного лидера, способного направлять филиппинское «революционное движение» в нужное (в его понятии) русло. Его оценка сегодняшней ситуации на Филиппинах: «углубление социального политического кризиса и растущая мощь народного вооруженного революционного движения за национальное освобождение и демократию»²³.

Незнание сегодняшних филиппинских реалий, в частности, неправдоподобно завышенная оценка «революционного потенциала», связано (кроме нежелания и неумения отвлечься от импонирующих ему убеждений и взглядов) с многолетним пребыванием в эмиграции, вдали от Филиппин. Некоторые примеры: Х. Сисон выдвигает перед НДФФ задачу к 45-й го-

довщине КПФ довести численность бойцов ННА до 25.000 человек, полагая, что в настоящее время она составляет 10.000. По официальным же данным министерства обороны на конец 2013 г., численность ННА составляла всего около 4.000 боевиков²⁴. Согласно данным КПФ, которые повторяет Х. Сисон, в 71 провинции (из 79) Филиппин действуют 110 крупных партизанских объединений. По сведениям командования контрповстанческими подразделениями разрозненные и мелкие отряды боевиков ННА сохранились в 36 провинциях²⁵. Что касается вопроса о возобновлении мирных переговоров, то авторитет и влияние Х. Ма.Сисона в НДФФ будет мешать позитивному развитию переговорного процесса. Анализ трех угроз безопасности и стабильности Филиппин подтверждает их долговременность, продолжение их действия и после смены власти в стране в 2016 г. При этом первая и третья угрозы не испытают особого влияния этой перемены. Первая – из-за привязанности Филиппин к геополитическим планам и устремлениям США в регионе ЮВА.

Третья – из-за неизбежности естественного, хотя возможно еще растянувшегося на какое-то время процесса угасания и деградации коммунистической герильи, вне зависимости от типа лидерства, который сменит президентство Б. Акино III. Наиболее сильное (либо положительное, либо отрицательное) влияние, как уже говорилось выше, смена лидерства окажет на судьбу мирного процесса на мусульманском Юге.

¹ Локшин Г.М. Филиппины на острие противоречий // «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», Выпуск XIX, Юго-Восточная Азия 2011 – 2012 гг., М., 2012, с. 201-223. Локшин Г.М., см. настоящий выпуск...

² Элита стран Востока. М., 2011, с. 217.

³ The Comprehensive Agreement on the Banssamoro, The Manila Times, Apr.1, 2014.

⁴ ИФОМ в 1984 г. вышел из состава первой самой крупной мусульманской организации «Фронт национального освобождения Моро» (ФНОМ) с лидером Нур Мисуари. С того времени ФНОМ и ИФОМ – организации-соперники. В 80-90-х годах мусульманское повстанческое движение

в целом отличалось разобщенностью и хаотичностью. Лидеры и крупных организаций, и мелких многочисленных группировок меняли ориентации, действуя то в качестве сепаратистов, то автономистов, от ожесточенных столкновений с правительственными войсками переходили к переговорам. Первый мирный договор с руководством ФНОМ был подписан в 1976 г. в Триполи при президенте Ф. Маркосе. Договор подписали от филиппинской стороны сенатор К. Барберо, от повстанцев – Нур Мисуари. Посредником в переговорах выступила Ливия, а также Индонезия и Малайзия, обе страны-члены ОИК (сейчас ОИС), заинтересованные в стабильности в своих странах. После падения режима Ф. Маркоса (1986) – мусульманское повстанческое движение вспыхнуло с новой силой, в конечном итоге Нур Мисуари и его соратники в руководстве ФНОМ вернулись на сепаратистские позиции. К концу 90-х годов Нур Мисуари и руководимый им ФНОМ вновь обратились к поискам вариантов соглашения с центральным правительством. При президенте Ф. Рамосе (1992-1998) был подписан в 1996 г. мирный договор с ФНОМ во главе с Нур Мисуари (при посредничестве Индонезии, в то время председателем ОИК) о прекращении вооруженной борьбы и создании Автономного района мусульманского Минданао (ARMM) с Нур Мисуари в качестве губернатора. Но проект Ф. Рамоса по урегулированию «мусульманской проблемы» был обречен на провал. Частично из-за финансово-экономического кризиса 1997/1998 гг., частично из-за возвращения к жестким карательным методам борьбы с повстанческими силами при сменившем Ф. Рамоса президенте Дж.Эстраде (1998-2001), который объявил «тотальную войну» против мусульман. В итоге произошел раскол ФНОМ, внутри организации усилилась оппозиция Нур Мисуари. На авансцену политики выступил ИФОМ, сперва действовавший с позиций жесткого сепаратизма, но, как говорилось, с начала 2000-х постепенно, вступивший в переговорный процесс при президенте Г. Арройо (2001–2010). Тянувшиеся с перерывами переговоры в 2008 г. завершились подписанием мирного соглашения, которое было сорвано по инициативе католической церкви, которую не устроило расширение границ мусульманской автономии.

⁵ Подробно Ю.О. Левтонова. Филиппины: проблема радикальной оппозиции // «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития». Выпуск XIX, Юго-Восточная Азия 2011-2012 гг., М. 2012, с. 191-201.

⁶ Впервые название «Бангсаморо» появилось на рубеже 60-70-х годов прошлого века. Мусульмане-сепаратисты из ФНОМ выдвинули целью повстанческой борьбы создание независимой исламской республики Бангсаморо на территории южных островов Архипелага. Таким образом, в это понятие мусульмане вкладывали политико-идеологический и религиозный смысл. На самом деле словосочетание «бангсаморо» имеет

иной смысл (при точном переводе). Оно говорит об этнической идентичности полиэтнического и многоязычного мусульманского населения (около 12 этно-лингвистических групп на Минданао и в зоне архипелага Сулу). Причем “bangsa” - малайское слово, обозначающее народность, этнос. Моро (moro), как известно, испанское обозначение всех южных мусульман по аналогии с маврами (moro по исп. мавр). Тем не менее, термин, введенный испанскими колонизаторами и носивший уничижительный характер, филиппинские мусульмане сохранили для самоназвания и опять же этнической самоидентификации. Уже в рамочном соглашении 2012 г. признаются оба смысла этого понятия, говорится о создании особого автономного образования Бангсаморо, а его жители идентифицируются как народ бангсаморо.

⁷ За месяц до организации нападения на Замбоангу (в начале августа 2012 г.) Нур Мисуари из своего укрытия в Талипао (на Сулу) объявил о независимости острова Палаван, полуострова Замбоанга, островов Басилан, Сулу, Тави-Тави и даже малайзийского штата на Сев. Калимантане. На его заявление «мы больше не хотим оставаться частью Филиппин», он получил ответ из Малаканьяна, в котором Н. Мисуари предлагалось «дать миру шанс». www.fairobserves.com/article/mindanao...

⁸ См. Н. Бектимирова, И. Липилина, Ю. Левтонова «Межэтнические отношения в странах Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Таиланд, Филиппины)». Verlag, LAP LAMBERT Academic publishing, 2013, с. 59-87.

⁹ Philippine Daily Inquirer, Apr. 1, 2014, Editional.

¹⁰ Там же.

¹¹ CAB, Annex 10 on Power Shairing.

¹² The Manila Times, Apr. 1, 2014, с. 1–2.

¹³ CAB, Annex 11.

¹⁴ Inquirer Mindanao, March 27, 2014, с. 2.

¹⁵ The Straits Times, 10.01.04, с. 6.

¹⁶ Подробно о «феномене левоповстанчества» на Филиппинах см. в статье Ю.О. Левтонова «Филиппины: проблемы радикальной оппозиции» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIX, Юго-Восточная Азия 2011-2012. М., 2012, с. 186-201. Повторю, что «феномен левоповстанчества» на Филиппинах в большой степени связан с особенностями национального характера, менталитета, социальной психологии филиппинцев. Приверженность филиппинцев к экстремистским, ультра-леваческим, леворадикальным формам протестных движений и соответственно к леворадикальным идеям и догмам прослеживается практически на всех этапах филиппинской истории. В экзальтированности, готовности самопожертвования ради идеи и идеалов прослеживается влияние католицизма. Понятия самопожертвования, жертвенность хранятся в сознании и менталитете филиппинцев, их корни восхо-

дят к католицизму. Филиппинские левые, - коммунисты, атеисты, маоисты, бросающие вызов системе, неосознанно придерживаются этих культурно-ценностных установок.

¹⁷ Под псевдонимом Амадо Герреро написан его главный фундаментальный труд «Филиппинское общество и революция», настольная книга филиппинских маоистов. Её главная тема – использование опыта китайских революционеров филиппинскими коммунистами с учетом местной специфики. Guerrero Amado (Sison J.Ma) *Philippine Society and Revolution*, Hong Kong, 1971. Книга Сисона была в 70-х годах переведена на русский язык для ЦК КПСС – несколько машинописных экземпляров для служебного, закрытого пользования. Мне довелось ознакомиться с книгой Х. Сисона и в англоязычном варианте, и в переводе на русский язык. В ней автор опирался на все основные положения маоистской теории революции, особо подчеркивая в качестве специфики Филиппин особую роль филиппинского крестьянства как «горючего материала», из которого разгорится пламя революционной борьбы.

¹⁸ *The Manila Star*, March 1, 2012.

¹⁹ *The Philippine Inquirer Southern Luzon*, Jan.20, 2014.

²⁰ *Philippine Daily Inquirer*, March 30, 2014.

²¹ *Philippine Daily Inquirer*, Jan. 20th, 2014.

²² Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIX, с. 188-191. Некоторые биографические сведения. Хосе Мария Сисон родился 8 февраля 1939 г. в семье зажиточных землевладельцев (в пров. Южн. Илокос). С детства проявлялись его лидерские черты и незаурядные способности. По окончании УФ в возрасте 20 лет получил степень бакалавра по английской литературе, в 1961 г. – степень по сравнительному литературоведению. С начала 60-х годов преподавал политические науки, получив звание профессора политологии в престижном столичном вузе *Luceum of the Philippines*. С начала 60-х годов увлекался марксизмом и комдвижением. Вступил в КПФ, быстро вошел в ее руководство, а с середины 60-х годов перешел на позиции маоизма (тесно общался с китайскими и индонезийскими коммунистами), возглавил в КПФ маоистскую фракцию, в 1967 г. был исключен из КПФ, в 1968 г. основал «Компартию идей Мао Цзедуна». За Сисоном из марксистской компартии вышло большинство её членов.

²³ *Philippine Daily Inquirer*, Jan. 20, 2014.

²⁴ Там же.

²⁵ *Inquirer.net.*, March 29th, 2014.